

Магия Земли с самого начала

Эрик Адлер

Несмотря на наступившую осень, день выдался теплым и даже солнечным. Почва была уже прохладной, но еще не промерзала за ночь, и после полудня по ней можно было ходить босиком, не замерзнув. Эрик назначил тренировку с новой для него ученицей у огромного дуба, который появился здесь совсем недавно стараниями всех жителей монастыря. Сейчас этот дуб пожелтел, а ветер срывал с него осенние листья, которые опадали на сухую и редкую траву.

Эрик знал, что его ученица пока ничего не знала о магии Земли, и сегодня ей нужно было объяснить самые основы, чтобы она знала, куда двигаться дальше. Он надеялся, что сможет заинтересовать её магией Земли, которая была его ведущей стихией и во многом определяла его взгляды на жизнь. Земля учила ждать и надеяться, и этим позволяла дожидаться, когда из маленьких ростков вырастали богатые урожаи. Но не менее важно было понять, когда это ожидание становилось бесплотным, и нужно было принять меры, чтобы перекроить все от начала до конца.

Ломэхонгва

Ломэхонгва порой любит увлечённо подсчитывать своё везение и невезение — ей кажется, и того, и другого в жизни должно быть примерно поровну, и зачастую хочется этому своему "кажется" найти твёрдое подтверждение. Иногда ждать везения и невезения так, чтобы они друг друга уравнивали, приходится подолгу, так долго, что девочка и сама уже забывает, чего именно она ждёт. А порой, вот как сегодня, две разные по цвету полосы ложатся сразу друг за другом и уравнивают друг друга немедленно.

Мастер соглашается взять Ломэхонгву на занятие — хорошо, повезло. Девочка спешит на это занятие и рвёт ботинок — а вот и невезение, с ним тоже всё ясно.

Невезение нападает как раз когда Ломэхонгва идёт через дикий парк на занятие и старается как-нибудь половчее срезать путь. Девочка неудачно цепляется ногой за выступающий корень дерева, самым носком ботинка — вроде бы и несильно, но от поношенной обуви мгновенно отходит и где-то на треть отрывается подошва. Ломэхонгва же надеется, что это всё ещё можно как-нибудь исправить и починить, поэтому, чтобы не порвать ботинок окончательно, снимает его и дальше несёт в руке, а сама идёт наполовину босоногая.

Мастер, который ждёт Ломэхонгву, по первому впечатлению вдруг кажется ей чем-то похожим на тот самый мощный дуб, возле которого назначена встреча — чем именно, девочка и самой себе затрудняется объяснить. То ли дело в высоком росте, то ли в широких плечах, а может, главное дело совсем в другом. Ломэхонгва стеснительно прячет босую ногу за обутую, скрывая свою босоноготь, и в такой не самой удобной позе пытается вежливо поклониться: — Здравствуйте.

Китайским языком Ломэхонгва сейчас владеет уже заметно лучше, чем в тот день, когда только оказалась в монастыре. И, поскольку на занятия в монастыре девочка ходит и теорию там слушает, это позволяет ей надеяться, что все самые нужные слова для сегодняшнего занятия она уже знает. Что всё самое важное будет

Ломэхонгвой не только услышано, но и правильно понято.

Эрик Адлер

Когда девочка подошла, Эрик обратил внимание на то, что она пришла в одном ботинке, а второй, порванный, держала в руке. Это наверняка было для ученицы досадной неприятностью, но для будущего мага Земли могло стать и добрым знаком. Адлер не особо верил в суеверия, но был не прочь подмечать закономерности, которые, как ему казалось, вели к лучшему.

- Привет, - он склонил голову, приветствуя ученицу. - Ты уже почти готова к первому уроку: для знакомства с магией Земли стоит разуться.

Эрик снял кеды и поставил их ближе к дубу, после чего сделал пару шагов босыми ногами, прислушиваясь к ощущениям от прохладной, но не холодной почвы и укрывавших её осенних листьев.

- Можешь обращаться ко мне "сифу Адлер", а как лучше называть тебя? - уточнил Эрик.

Он пока не запомнил сложное имя девочки, но надеялся, что сейчас исправит эту оплошность. Потому что людям более комфортно, когда собеседник достаточно внимателен к ним, чтобы помнить их имена.

Ломэхонгва

Ломэхонгва совершенно забывает о том, что когда она прячет босую ногу за обутую, снятый с ноги ботинок по-прежнему остаётся у неё в руке пламенеющей уликой, и его полуоторванная подошва свисает устало вываленным языком чуть ли не до колена. И девочка, честно говоря, предпочла бы быть почти готовой к уроку каким-нибудь другим способом, более экономным. Сразу рвать обувь ради магии Земли — это немножко чересчур решительная мера.

Но хорошо, пусть сегодня это раз в жизни будет считаться добрым знаком, а не паршивым невезением. Один раз в жизни — наверное, всё-таки можно.

— Хорошо, сифу Адлер, — послушно говорит Ломэхонгва, уловив, как ей кажется, намёк на то, что к мастеру она обратилась неправильно, а надо было сразу правильно, но ещё есть шанс исправиться. Девочка опускается на одно колено, чтобы расшнуровать второй ботинок и снять его с ноги, потом оба ботинка, что порванный, что целый, аккуратно отставляет в сторону и лишь после этого встаёт, светя тёмным и чуть влажным отпечатком земли на колене. Вот так, к уроку готова. Ногам прохладно, но пока не холодно, и вполне справедливо, что этим нужно немедленно пользоваться.

— Я Ломэхонгва, — вежливо напоминает девочка. Ей, в целом, уже привычно, что для людей в монастыре её имя представляет некоторую сложность, запоминается не с первого раза, и потому у Ломэхонгвы была целая куча времени на то, чтобы попытаться придумать какой-нибудь другой способ звать её так, чтобы людям было удобно. Сокращения у сложного имени, правда, нет, зато можно попытаться его кое-как перевести. — Значит "облако". Можно так.

Не лучший вариант, чего уж тут скрывать. Но Ломэхонгва согласна некоторое время

побыть "облаком", если так будет проще.

Эрик Адлер

- Я запомню твое имя, Ломэхонгва, - ответил Эрик, решив, что обращаться к девочке, называя её просто "Облако" будет невежливо.

Как немец, он не боялся длинных слов, а как человек, свободно говоривший на трех языках, мог запоминать незнакомые слова достаточно быстро. В имени девочки было что-то, что наводило на мысли о произведениях Лонгфелло. Эрик считал неправильным подробно расспрашивать Ломэхонгву о её родине, хоть и считал, что в её культуре могли быть свои ключи к пониманию стихийной магии.

- Для начала я хочу, чтобы ты постаралась просто почувствовать энергию Земли. Стопами, или можешь коснуться почвы ладонями, как тебе будет проще. Закрой глаза и попробуй понять, какие эмоции, мысли и ощущения у тебя возникают, - сказал Адлер.

Это задание было простым и сложным. Но оно помогало отвлечься от посторонних мыслей и настроиться на работу со стихийной энергией Земли, которая была довольно тяжелой для новичков. Но со временем именно она будет давать ощущение опоры и уверенности в собственных силах. Её просто нужно было понять и принять до того, как захочется её менять и ею командовать.

Ломэхонгва

Ломэхонгва вежливо и благодарно кланяется — для неё то, что сифу Адлер старается безошибочно запомнить её имя, хотя у него наверняка таких учеников десятки и так же наверняка там полно менее заковыристых и более приятных к запоминанию имён, очень ценно. Поклонившись, Ломэхонгва опускается на корточки, чтобы не только стоять на земле босыми ногами, но и осязать её кончиками пальцев рук, — и зажимается, собираясь с мыслями. Образ земли в сознании девочки — чёткий и ясный, и только лишний раз становится более выпуклым и ярким, только подтверждается, когда Ломэхонгва касается земли, прохладной, но не холодной, мягкой, но не рыхлой, прижимается к ней голой кожей. Но этот образ ещё нужно выразить словами. Описать доступным девочке не слишком богатым словарём так, чтобы ничего не исказить и не потерять.

— Земля никому не принадлежит, — наконец осторожно говорит Ломэхонгва, старательно изворачиваясь в попытках выразить сложную вещь как можно более простыми словами. — Скорее, это ей все принадлежат. Потому что на ней все стоят и держатся.

Речь вроде бы совсем короткая, но девочка успевает мигом вспотеть от напряжения, пока её произносит. И всё так же осторожно, пытаясь неловко обогнуть слова, которые не может сказать на китайском, заканчивает: — Она как мать. На неё не кричат, чтобы сделать её сильной. Её просят.

Эрик Адлер

Адлер с интересом слушал то, что говорила ученица. Её рассуждения отличались от наиболее стандартных описаний Земли как тяжелой или упрямой. Но Эрику

показалось, что девочка очень точно уловила некоторые важные моменты в том, какой была стихия Земли.

- Ты хорошо смогла её почувствовать, - сказал Эрик. - Мне кажется, так у тебя получится освоить магию Земли.

Считалось, что маги Земли упрямы, мол, только упрямством можно заставить камень сдвинуться оттуда, где он лежал веками. Но Адлер чувствовал, что Ломэхонгва поняла, каким путем она могла договариваться с энергией этой стихии, не сталкиваясь с ней лбами.

- Сосредоточься на Муладхаре - чакре, которая находится в основании позвоночника. Летом я бы сказал тебе сесть на землю, но сейчас лучше выполнять упражнение стоя, - сказал Эрик. - Представь, что от твоих стоп идут красные корни, которые уходят в почву, и стараются впитать её соки. Красная энергия копится в основании позвоночника, наполняя тебя ощущениями тепла и тяжести. Попробуй.

Ломэхонгва

Ломэхонгва немедленно кивает — чакра с заковыристым именем Муладхара (хотя это кто бы тут ещё возмущался заковыристым именам) девочке уже знакома. Правда, пока только издалека, делать что-то с помощью этой чакры девочка не пыталась. Тут даже не подойдёт печальное "не получилось" — Ломэхонгва, хоть уже и знает что-то про теорию, в область прикладной магии Земли ни разу заглянуть не пыталась, и ей сейчас предстоит делать это с нуля. Но то, что название, цвет чакры и парочка других моментов ей уже знакомы, может сейчас стать каким-никаким подспорьем.

Может, но совершенно не обязано.

Несмотря на слова мастера о том, что упражнение делать лучше стоя, Ломэхонгва остаётся сидеть на корточках. Так ближе к земле и так можно не только вообразить растущие из ног корни, а пойти дальше, замахнуться смелее, и представить себе, что девочка вся — как припавшее к земле дерево. Глаза Ломэхонгва закрывает: сейчас, когда всё строится на тонких ощущениях, зрение только сбивает и отвлекает, поэтому лучше не опираться на него вообще.

Если не смотреть на свои руки и ноги, то легче представить, что это ветви пригнувшегося к земле тонкого дерева.

А если закрыть уши, чтобы было проще прислушаться к току крови в ушах — можно вообразить, что это как питающие растение соки, в которые, наверное, и вплетается жизненная сила земли.

И последнюю выдумку, наверное, лучше не держать при себе, а обсудить с мастером. Потому что как-то не всё в ней ладно внутри самой себя, видно, где-то притаилась ошибка.

— Сифу Адлер? — вопросительно говорит Ломэхонгва, не уверенная ни в собственных ощущениях, ни в том, как их лучше объяснить. Отнимает руки от ушей, чтобы не выглядеть глупой обезьянкой, которая спросила, а что ответ слушать надо, забыла, и пытается задать свой вопрос, как можно меньше размазывая и путаясь в словах: — Красная энергия — похожа на кровь?

Эрик Адлер

Эрик молчал, наблюдая за тем, как ученица выполняет это упражнение. Он не хотел её сбивать разговорами, решив просто дать достаточно времени для самостоятельной работы. Но Ломэхонгва первая задала вопрос, из которого стало понятно, что она поймала верное ощущение.

- Да, очень похожа, - ответил Адлер. - Если использовать её во врачевании, она помогает восстановить жизненные силы при кровопотере и повышает давление.

Земля - это опора, как кровь - основа для существования жизни. С красной энергии начинает светиться аура новорожденного, красная же гаснет последней в момент смерти, когда Земля поглощает Воду, согласно буддийским представлениям об этом процессе.

- У каждой энергии есть своя вибрация, звук, у земли это размеренный стук как пульс, сердце или бой барабанов. Возможно, ты его почувствуешь, работая с этой стихией, - добавил Эрик.

У каждого человека были свои методы восприятия энергии во время работы. Кто-то больше доверял физическим ощущениям, кто-то слышал звуковые вибрации или видел цвет, возможно были даже те, кто ощущал энергию как цвет или запах. Не было правильных или неправильных подходов, были только эффективные и не эффективные.

Ломэхонгва

Ломэхонгва снова кивает, на сей раз уже не утвердительно, а с чувством глубокого удовлетворения — мастер подтверждает догадку девочки, значит, логика была правильная, значит, можно этой логики придерживаться и впредь. Приятно, когда получается нащупать верную дорожку, по которой можно ходить. Куда приятнее, чем пытаться двигаться вслепую, непонятно куда и непонятно как.

— Спасибо, — говорит девочка, кивая ещё раз. И возвращается к заданию, спускается всё по той же цепочке размышлений куда-то вглубь — туда, где ей кажется, что она начинает что-то чувствовать. Что-то, похожее на энергию земли.

— Грохочет, — делится наблюдением Ломэхонгва, как только ей кажется, что она и слышать начинает. На барабанный бой это, правда, похоже не слишком. Девочке этот звук скорее напоминает, как с глухим рокотом по камням мчит горная река. Если разобраться, это же тоже стук, стук яростного течения по камням. Ломэхонгва напряжённо упирается языком в верхний ряд зубов, соображая, как это лучше выразить. Китайских слов для такого витиеватого сравнения девочке уже не хватает, а перейти на английский — это всё равно что сдаться. И Ломэхонгва, сидя на корточках, пытается торопливо перебрать весь свой запас китайских слов: может, что-нибудь подходящее там всё же отыщется? Что-нибудь, с помощью чего этот образ всё-таки получится как-нибудь, хоть как, но объяснить?

Эрик Адлер

Эрик кивнул. Он видел, что девочка правильно поняла энергию Земли и почувствовала её, просто не могла подобрать слов, чтобы выразить свои ощущения

вербально. Китайский не был для неё родным, как, впрочем, и для самого Эрика, но во время занятия они общались на нем.

Адлер подождал некоторое время, давая девочке возможность разобраться в ощущениях, лучше почувствовать энергию и собственное родство со стихией. Такие вещи лучше понять на уровне ощущений и интуиции, чем проговорить вслух. Эрик и так видел, что Ломэхонгва справляется.

- Попробуй сдвинуть пласт почвы с места, - сказал Эрик. - Сосредоточься на энергии, которую ты ощущаешь сейчас. Пойми начальную и конечную точку движения и убеди землю сдвинуться. Ты это можешь.

Задание было сложным, потому что оно являлось тем качественным изменением, за которым в изучении магии Земли шли лишь количественные. Между сдвинутым пластом почвы и литоморфингом было меньше пути, чем между мыслью о том, что стихией можно управлять, и первым материальным воплощением этой мысли.

Ломэхонгва

Сифу Адлер кивает, как будто без слов понимает оставшееся невысказанным витиеватое сравнение, и это очень сильно облегчает Ломэхонгве задачу. Можно больше не терзать себя и свой мозг, пытаюсь вспомнить то, чего никогда и не знала, а снова всеми силами и всем вниманием обратиться к земле. Которую сифу Адлер просит сдвинуть — это в голове у девочки пока не укладывается никакими силами. Земля в представлении Ломэхонгвы единая, целая, монолитная, и она не рассыпается на куски и не скачет. Потому что когда всё-таки рассыпается и скачет — это уже ближе к катастрофе.

Ломэхонгва недовольно хмурится. Она точно знает, что двигать землю можно, более того — что опытные маги делают это много, а сама девочка застревает на задании для зелёных новичков, да так там и сидит. Начальная точка, конечная точка, это всё несложно, но между ними — внушительный пласт цельной земли, к которому никак не подступиться мозгом. Ломэхонгве кажется, что ей надо как-то мысленно отделить ту часть земли, которую она хочет уговорить переместиться, от остального широчайшего монолита почвы, но никак не может сообразить, куда ей спускаться и как разделять. Словно мозг натывается на преграду и замирает.

— Сифу Адлер? — снова взывает девочка. Сдаваться она пока не собирается, но чувствует, что ей нужна подсказка. Не словами, нет — от слов, особенно когда они смутно знакомы и их значение вёртким ужом выскальзывает из рук, сейчас толку будет мало. Но вот на подсказку иного рода можно, очень можно попытаться опереться, и Ломэхонгва осторожно просит: — Вы не могли бы показать мне?

Эрик Адлер

Первая попытка Ломэхонгвы сдвинуть землю оказалась неудачной, но Эрик считал, что девочка сегодня справится с этим заданием. Нужно было проявить больше терпения и показать пример, как сейчас попросила сама ученица. Первые шаги в любой магии всегда самые сложные, потому что нужно понять принцип работы с данным видом энергии. Это тот качественный шаг, за которым основные изменения уже будут количественными.

- Да, смотри, - сказал Адлер. Он положил ладонь на землю и ощутил красную энергию, которая принадлежала этой стихии. - Ты чувствуешь энергию, она становится частью твоей собственной, затем ты просто сдвигаешь почву так, как переставила бы чашку.

Эрик поднял ладонь на несколько дюймов над поверхностью земли, и небольшой кусок дерна поднялся следом за его рукой. Адлер сместил руку влево, затем позволил земле опуститься. Он показал упражнение с тем объемом энергии, который был бы по силам Ломэхонгве.

- Попробуй снова. Не торопись, сосредоточься на энергии, - сказал Адлер.

Ломэхонгва

Ломэхонгва не только смотрит глазами, но и старается наблюдать всеми силами, как только сможет. Одних глаз здесь будет явно недостаточно для того, чтобы разобраться в движении, кажущемся девочке сложным и даже едва уловимым. Слушать здесь, конечно, бесполезно, от ушей сейчас не будет никакого толка — но помимо них у Ломэхонгвы есть руки и ноги, и девочка прижимается стопами и ладонями к земле, стараясь уловить дрожь почвы и понять что-то по ней, а ещё теперь у неё есть куда более чуткая красная чакра, и ею Ломэхонгва тоже осторожно тянется — тянется вперёд и вширь, пытаюсь уловить, где именно сифу Адлер будет сейчас двигать землю, стараясь подсмотреть, но не помешать.

И ей кажется, что она улавливает — длинное мягкое движение, которым опытный маг земли ловко отслаивает кусок дёрна перед тем, как поднять его в воздух.

— Я попробую, — кивает Ломэхонгва. Снова сосредотачивается на красной чакре и пытается повторить то, что ей только что показывал сифу Адлер. Осторожничая, стараясь не замахнуться на то, что ей не по силам, Ломэхонгва сгущает свою энергию, пытаюсь повторить тот мягкий нажим, плавный скользящий надрез. И когда ей начинает казаться, что всё-таки такая задача ей пока не по силам, но девочка продолжает упрямо давить и тянуть, земля уступает и сдвигается. Только совсем не так, как у сифу Адлера — у него пласт дёрна красиво взмыл вверх, Ломэхонгва же, не разобравшись сразу, пытается тянуть куда-то вбок, туда, где и места-то совсем нет, и двигаться некуда, и у неё охваченный красной энергией кусок земли только подрагивает и подскакивает на месте, но никуда не движется.

Эрик Адлер

На этот раз девочка смогла подчинить себе энергию стихии, но пока все равно не справлялась с заданием, потому что немного не хватало умения. Пласт дерна просто застрял, не зная, как именно ему нужно перемещаться, хотя в нем было достаточно энергии для движения, которую передала Ломэхонгва. Это уже проще, чем сделать первый шаг и понять, что земля готова тебя слушаться.

- Подними сначала немного вверх, потом двигай в сторону, у тебя получается, ты молодец, - сказал Адлер.

Он хотел, чтобы Ломэхонгва справилась с этим упражнением и сама убедилась в своих способностях. Тогда с каждым следующим занятием ей будет проще. Эрик

чувствовал, что у неё характер мага Земли, хоть и воспринимала она стихию по-своему, не так, как сам Адлер. Она многое чувствовала на уровне интуиции и ощущений, она была способна очень хорошо понять характер стихии. Для этого девочке просто нужно было поверить в собственные силы, убедиться, что она способна подчинить Землю своей воле.

Ломэхонгва

Ломэхонгве кажется, пока единственное, что у неё получается на высший балл — это упираться. Отчасти это происходит из того, что девочка не уверена, сумеет ли она ещё раз поднять этот пласт почвы, если сейчас его отпустит, поэтому цепляется за него, пока есть силы. И пытается освоить то, как движется энергия чакры, как если бы у Ломэхонгвы вырос хвост или третья нога и она пыталась бы разобраться, как этой новой конечностью будет командовать мозг. Девочка сосредоточенно ворочает землю алой энергией, стараясь всё же постепенно выворотить её с насиженного места. И даже когда сифу Адлер подсказывает, что двигать надо вверх, хоть Ломэхонгва и послушно кивает почти сразу же, легче ей становится всё равно не сразу — направление "вверх" не даётся ей так же интуитивно легко, как движение вдоль земли, к нему надо подстраиваться.

В эти моменты девочка опять отчётливо ощущает, какая земля тяжёлая и неуступчивая. Её всё время тянет вниз, почву к почве, она не желает отзываться на старания уставшей ученицы и подниматься. Из последних сил Ломэхонгва изворачивается на новый манёвр, опять тянет вбок и старается понемногу нажимать вверх, и постепенно пласт земли начинает выползать из своей лунки, тяжёлый и громоздкий, как будто это не несколько сантиметров дёрна, а огромный кусок скальной породы. Ломэхонгва втаскивает его на траву и там роняет — энергия вдруг лопаётся порванной нитью, и это почти больно, девочке кажется что у неё внутри всё дрожит и ходит ходуном. Ломэхонгва прижимает руки к животу — это что там, желудок? и ему тоже беспокойно? ему-то с чего? — и, боясь, что сейчас выставила себя перед мастером в очень неприглядном свете, виновато опускает глаза: — Извините.

Эрик Адлер

Эту попытку можно было считать почти успешной. Ломэхонгве было физически тяжело, она вложила очень много сил в это простое на первый взгляд действие.

- Ты все правильно делала, просто тебе пока немного не хватило сил. Ты в порядке?
- спросил Эрик.

Он присмотрелся к ауре девочки и заметил, что баланс энергии заметно нарушен, а в области живота сверкают всполохи, похожие на признаки спазма. Энергия, которой управляла Ломэхонгва, вырвалась из-под контроля, и это стало причиной такой реакции. Ничего опасного, но неприятно.

- Восстанови дыхание, - подсказал Адлер. - Закрой глаза, начинай дышать медленно и глубоко, расправь плечи. Подними руки вверх, вдыхая, затем сложи ладони в молитвенном жесте и медленно с выдохом опусти их на уровень груди. Повтори так пару раз, это восстановит правильное течение энергии.

Этому приему Адлер научился уже у местных мастеров, которые нередко с помощью жеста "дарую" помогали ученикам восстановить баланс ци после занятий по стихийной магии.

Ломэхонгва

Ломэхонгва честно прислушивается к себе, чтобы понять, в порядке ли она и если да, то насколько. Несмотря на то, что внутри по-прежнему всё как будто нервно содрогается, девочка не чувствует себя ни умирающей, ни опасно больной, и вообще неприятные ощущения постепенно успокаиваются и отступают. Поэтому Ломэхонгва чувствует себя вправе честно ответить: — Сейчас буду в порядке. Ничего страшного.

Но подсказка мастера о том, как прийти в себя быстрее, всё равно слишком ценна для того, чтобы её игнорировать, да ещё и может оказаться полезной в будущем. Ломэхонгва послушно выполняет всё, что ей говорит сифу Адлер: закрывает глаза, старательно вдыхает и выдыхает, выравнивая дыхание, и несколько раз поднимает и опускает руки, складывая ладони друг с другом, так, как она понимает слова "молитвенный жест".

Правда, она не очень понимает, жест ли это помогает или энергия уже сама по себе потихоньку приходит в норму. Но в любом случае, всё кончается благополучно, и это на момент главное.

— Большое спасибо. Всё хорошо, — чуть стесняясь, докладывает Ломэхонгва. Чинно складывает ладони на коленях и вопросительно смотрит на сифу Адлера, ожидая следующих указаний. Потому что сейчас вроде как больше выполнять пока нечего, все инструкции пройдены и умеренно освоены.

Эрик Адлер

Эрик улыбнулся, когда Ломэхонгва сказала, что с ней все в порядке. Он решил, что новые нагрузки лучше отложить, и девочке стоило отдохнуть после первого успешного опыта работы с магией Земли.

- Ты хорошо сегодня поработала, можешь отдыхать. Самостоятельно поработай над ощущением энергии Земли, медитируй, стараясь как можно лучше её почувствовать и, когда будешь готова, снова попробуй сдвинуть пласт почвы. Только не переусердствуй, Земля любит терпение, - сказал Адлер. - Когда захочешь, договоримся о следующем занятии.

Он не хотел заранее определять расписание, чтобы Ломэхонгва сама смотрела, когда она будет готова изучать что-то новое, разобравшись с тем, что узнала и попробовала сегодня. Ей нужно было попрактиковаться в управлении Землей, и Эрику казалось, что самостоятельно ей будет это даже проще, потому что она не будет смущенно ждать его реакции.

Ломэхонгва

Ломэхонгва слушает и запоминает — сейчас запомнить это "домашнее задание" совсем просто, его суть легко упрощается до короткой, насквозь понятной конструкции. По сути, девочке нужно повторять те упражнения, которые были

выучены сегодня, пока в один прекрасный день у неё всё не получится как по нотам, а не как сегодня, через пень-колоду. И при этом нельзя спешить, нельзя пытаться взять эти упражнения нахрапом, потому что всё равно ничего не выйдет.

Ломэхонгва думает об этом, и ей кажется, что она всё очень хорошо понимает. Единственный минус — она не уверена, что в отсутствие сифу Адлера у неё всё будет получаться столь же хорошо, как и при мастере. И при нём-то совсем не идеально было, а без него может и вовсе развалиться.

— Благодарю вас, сифу Адлер, — произносит Ломэхонгва, которая, несмотря на все свои сомнения, всё же немедленно решает, что нужно пробовать работать самостоятельно, а понять о том, что у неё ничего не получается, она всегда успеет. Девочка встаёт, глубоко кланяется мастеру и прощается. Нужды долгие сидеть и праздно хлопать глазами нет никакой, нужно поскорее всё пройденное переварить и освоить. И если с "освоить" стоит обождать, чтобы чакра не лопнула от перенапряжения вся и всамделишно, то вот начать "переваривать" Ломэхонгва может хоть сейчас, по дороге обратно в жилую часть монастыря. И, пожалуй, с этим не стоит затягивать.
